

#foliantyoungadult

Lisa Krusche

**UNSERE
ANARCHISTISCHEN
HERZEN**

Лиза Круше

АНАРХИЧЕСКИЕ СЕРДЦА

Роман

Перевод с немецкого
Алины ПРИЙМАК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
FOLIANT
Астана

УДК 821.112.2-311.1
ББК 84(4Гем)-44
К848

Originally published as «Unsere anarchistischen Herzen» by Lisa Krusche
Copyright © S. Fischer Verlag GmbH, Frankfurt am Main 2021

Круше, Лиза

К848 Анархические сердца : роман / Лиза Круше ; [пер. с нем. А. Приймак]. — Астана : Фолиант, 2023. — 304 с. — (#foliantyoungadult).

ISBN 978-601-271-592-7

Две девушки: Шарлиз и Гвен.

Шарлиз приходится переехать вместе со своими родителями, бывшими хиппи, из Берлина в деревню в Нижней Саксонии, и она ни за что на свете не хочет там оставаться. К счастью, в деревне есть ларёк, а у Шарлиз — пальма и интернет.

А Гвен? Она живёт неподалёку и тайно ведёт дикий, грязный образ жизни, сбегая от богатства своих родителей. Вытаскивает деньги из карманов парней, с которыми спит, и жертвует их на благотворительность.

Пришло время этим девушкам встретиться.

Молодая немецкая писательница Лиза Круше в своём дебютном романе «Анархические сердца» рассказывает о невыполнимых требованиях, которые диктует нам современный мир. Как же бунтовать, когда кажется, что всё потеряно? Единственное, что остаётся, — это дружба. И она имеет взрывную силу.

УДК 821.112.2-311.1
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-601-271-592-7

© А. Приймак, перевод на русский язык, 2023
© Издание на русском языке, оформление.
ОО «Издательство «Фолиант», 2023

Посвящается всем моим друзьям

Мир голубой по краям и в глубине.
Эта синева — тот самый потерянный свет.

Ребекка Солнит

[...] и я хочу, чтобы наши сердца были открыты.
Да будет так. Я хочу, чтобы наши сердца были открыты.

Лесли Джеймисон

ШАРЛИЗ

Папа бегаёт голый по Шарлоттенбургу.

— Скорее, — говорю я Ахиму, водителю «Убера», — нужно поймать его быстрее полиции. Папа раньше был ультра-левым, так что с нею он не в ладах.

Ахим, одной рукой держа руль, второй кидая в окно окурок, даёт по газам.

— А кто он сейчас? — спрашивает Ахим.

— Бедный псих, — говорю я, указывая на папин голый зад, мелькающий в конце улицы. Это бесконечно стыдное, яркое белое пятно то скрывается за людьми, деревьями, мусорными баками, машинами, то снова выныривает из-за них.

— Погони у меня ещё не было, — говорит Ахим.

— Разве это не основное занятие водителей «Убера»?

— Только на междугородних поездках. Вот где настоящие деньги.

— Ах, Ахим, деньги — не главное.

— Ну, знаешь ли. Надо же на что-то жить.

— Тоже верно.

— А что это у твоего отца в руке?

— Голова.

— А-а, — протягивает Ахим, хотя, разумеется, ничего не понимает. Откуда же ему знать, что голова, которую папа держит в руке, принадлежит его бывшему галеристу.

— Она не настоящая, — объясняю я, — это кукла. Папа псих, а не убийца. Пока что.

— Ну, это радует, — говорит Ахим.

— Меня тоже. — Звонит мой телефон. — Привет.

— Эй, Чарли. Что там случилось? Я на велосипеде, уже еду. Улыбаюсь, приятно слышать голос Густава.

— С дороги, берегись! Простите, извините, да, это не велосипедная дорожка, но у меня тут погоня, простите.

Я отвожу телефон подальше от уха, пока Густав орёт на прохожих в своей безумно вежливой манере.

— Тоже твой родственник? — спрашивает Ахим.

— Нет, — говорю я, — лучше. Густав. Друг всей моей жизни.

— Не слишком ли рано тебе такое говорить?

— Для некоторых знаний возраст не важен.

— Алло?

— Да, я тут.

— Уже думал, что ты ушла.

— Просто не хотела оглохнуть.

— Извини. Снова люди. У тебя, может, решается вопрос жизни и смерти, но им надо, чтобы ты ехал по правилам.

Ты не подумай, я тоже за правила...

— Густав.

— Да?

— Мы, вообще-то, на миссии.

— Окей, не отвлекаемся, понял. Так, где вы?

— Недалеко от папиной галереи.

— Он бежит туда?

— Без понятия. Может быть.

— Ладно. Встретимся там. Пока.

Я отключаюсь. Папа врезается в прохожего, тот, активно жестикулируя, кричит ему вслед, но папа бежит без оглядки.

— Спортивный у тебя отец.

— Это всё наркотики — они держат в тонусе.

— А ты сама-то не психованная?

— Частенько спрашиваю себя об этом. Но, наверное, если вопрос возникает, значит, ещё не всё потеряно.

Папа останавливается.

— Стой-стой-стой. Жди здесь. Понял?

— Понял, — говорит Ахим, включает поворотник и закуривает ещё одну сигарету. Я выпрыгиваю из машины, со всей силы хлопая дверью.

— Эй, это тебе не танк!

Подскакиваю к папе.

— Свинячьи капиталисты.

Я не могу сдержать смеха, видя, как отец — такой потертый и голый — стоит посреди улицы и негодует, что его галерея хочет зарабатывать деньги. Несколько человек остановились поглазеть на это зрелище, но большинство проходили мимо: не тратить же своё время на каждого голого психа.

— Эй! — Густав спрыгивает со своего гоночного велосипеда, кидая его на землю.

— Папа, да хватит уже, — говорю я.

Папа, слегка пошатываясь, вытягивает руку с болтающейся головой вверх.

— Что это? — удивляется Густав.

— Он сшил куклу своего галериста. Расстроился из-за Кокошки и остального. Вчера он хотел торжественно отрубить ей голову. Последний штрих, так сказать.

— Что-то вроде вырождения?

— Ага, вроде того.

Папа начинает горланить бессвязные отрывки из песен Леонарда Коэна, размахивая руками и покачивая голым задом из стороны в сторону. Его пенис бьётся о бедра — влево, вправо, влево, вправо. Теперь, если моя жизнь пойдёт наперекосяк, я буду винить во всём именно этот момент.

— О! Мы уже на стадии Коэна.

— Мы уже на стадии Коэна, — повторяю я, — да в той фазе, где уже не до текстов.

— Это искусство, Густав, искусство! — говорит папа.

— Нет, — возражает Густав.

— В самом деле нет, — соглашаюсь я, — это дерьмо, папа.

Густав достаёт из рюкзака банный халат.

— За это я тебя и люблю, — говорю я. Когда я получила сообщение от Паломы, что она, кажется, только что видела моего отца, абсолютно голого, всё, на что меня хватило, — это быстренько порывшись в родительских записках в поисках денег.

— Надень-ка это, — говорю я, протягивая папе халат.

— Серьёзно, наденьте, — помогает Густав.

Папа умолкает. Безумие в его взгляде сменяется пустотой. Он кладёт отрубленную голову рядом с собой. Неловко засовывая руки в рукава халата, он смотрит на Густава, как на глупого пса.

Я выплёвываю жвачку на землю, вытаскиваю из кармана новую, швыряю скомканную серебристую бумажку папе в голову и кладу пластинку в рот.

— Ладно. Поехали, — говорю я.

Папа только кивает в ответ. Я беру его за руку, такую же большую, как и всегда, но почему-то сейчас она кажется мне меньше, и мы идём к нашему «Уберу». Густав несёт голову следом за нами.

— Твоя мама знает?

— Нет. Она на курсах танцевальной импровизации и самопознания.

Я закатываю глаза.

— А можно я... ну, это... я бы хотел покурить травки... — робко говорит папа.

— Можно. Дома. А пока можешь стрельнуть у Ахима сигарету.

— Кто такой Ахим? — спрашивает Густав.

— Это я, — отвечает Ахим, прислонившись спиной к машине.

— Ладно, — говорит Густав, — вы поедете на машине, а я за вами на велосипеде. Идёт?

— Идёт, — говорю я.

— Идёт, — говорит Ахим.

Я снова поворачиваюсь к Густаву.

— Спасибо, — шепчу я.

— Всегда пожалуйста, — отвечает он.

Папа ушибается головой, пытаюсь сесть в машину.

— В машине не блевать, — просит Ахим.

— Это стандартная фраза у уберщиков? — спрашиваю я.

— Ты поубирай с моё чужую блевотину, тогда поговорим.

Я киваю. Мы трогаемся, на этот раз едем медленнее, что уже не так весело, хотя ситуация в целом кажется мне совсем не весёлой. Голова таращится на меня из-под ног.

— А что насчёт сигареты? — Папа развалился на заднем сиденье, широко растопырив ноги. Халат едва прикрывает то, что должен прикрывать.

— Никто, кроме водителя, здесь не курит, — отвечает Ахим.

— Ещё один, — говорит папа, обиженно поджавшись. — Опять мне не дают то, чего я заслуживаю. Я это заслужил. — Он водит указательным пальцем по шву сиденья.

— Да ладно тебе, Ахим, — встречаю я, — дай папе покурить. Чего вредничаешь?

Ахим глядит на меня, затем лезет в карман рубашки и протягивает пачку сигарет.

— Я учился на социального работника, — говорит он, — и слово, которое мне сейчас приходит на ум, — дисфункциональный.

— На социального работника не надо учиться, — говорю я. — Зажигалку.

— Из тебя бы вышел неплохой начальник, — замечает Ахим.

— С такими родителями по-другому никак.

Ахим улыбается. Я вытаскиваю сигарету из пачки, поворачиваюсь, вставляю её папе в рот и поджигаю.

— Затягивайся, — команду я, и папа делает затяжку.

— Отлично, — довольно произносит он и успокаивается.

Ахим опускает заднее стекло.

— Чарли-Шарлиз, — обращается ко мне папа, — маме ни слова. Иначе она сойдёт с ума.

ГВЕН

Отрывать боковые зеркала у машин, разбивать окна и уничтожать мотоциклы — окрашивать мир в цвет зари, такой, как на кромке горизонта, когда ночь переходит в день. Не думать, не колебаться, идти только вперёд,

разъяриться и бить со всей дури — вот основные законы дестроя. Тело против вещей, движения против частной собственности. Я знаю, как определить, кого бить, но в драках у меня совсем нет опыта. Но мысль о них искрится во мне, и я надеюсь, что эта искра перерастёт в пожар.

— Он твой, — шепчет мне Мо, имея в виду парня, чей крик «лучше сдавайся сейчас!» раздался только что на пустой парковке. Его друзья улюлюкают, он подпрыгивает в боевой готовности, голова вскинута, в улыбке отражена жажда адреналина, всё тело в эйфорическом напряжении. Супермаркет, закрытый ещё пару лет назад, загромождаёт нас от дороги. Между булыжников проросла высокая трава, по фасаду карабкаются кусты ежевики, вокруг стоят старые магазинные тележки, набитые сухой листвой и мусором, некоторые опрокинуты, без колёс, с погнутыми прутьями. Полиэтиленовый пакет носится по парковке, взлетая ввысь и опускаясь на асфальт, кружится в самозабвенном танце. Я провожу языком по гладкой поверхности своих зубов. У меня остался один молочный зуб, под ним нет коренного, поэтому его ни в коем случае нельзя потерять.

моя единственная святыня — последний молочный зуб
Мо дышит мне в спину. Я хочу. Но моя нерешительность. Мой зуб.

— Ты что, трусишь? — спрашивает Мо.

Его тихий голос нежным теплом щекочет мне затылок.

— Трусит, — подтверждает Деннис.

Кивок головы в мою сторону, он толкает Винса в бок. Винс открывает ещё одну банку пива. По словам Винса, он взял её у отца и тот ничего не заметил. Сказав это, Винс и сам не заметил или сделал вид, будто это никак не связано с той неловкой ситуацией, в которой мы все оказались.

«Серьёзно?» — хотелось мне спросить, но я так и не определилась у кого: у себя или у парней.

— Мы сюда не развлекаться пришли, — раздаётся голос с той стороны.

Опять эти идиотские фразы, думаю я, всегда одни и те же, и между их повторениями, как трава между камнями, растёт уровень их банальности. И вообще, именно развлекаться мы сюда и пришли. Договорились в рамблере — приложении для поиска таких же любителей помахать кулаками, как мы. Анонимно, эффективно, плюс — неплохие советы о подходящих для встреч местах. Когда такое приложение появилось, оно никого особо не шокировало, шок — и без того довольно избитая категория. Но, наверное, самое интересное — это серьёзное желание уничтожить противника. Главная цель, думаю я о словах тренера по тайскому боксу с ютьюба, — сломать ногу. Так, я здесь не за тем, чтобы думать, думаю я. Я вспоминаю все свои клятвы самой себе. И наконец иду вперёд.

— Да, покажи ему! — кричит Винс мне вслед.

— Умница, — слышу я голос Мо.

Парень удивлённо обращается к ним через мою голову:

— Реально? Вы посылаете на бой девчонку?

И всё вокруг краснеет. Красный цвет течёт по парковке, захлёстывает массивной волной. Он оmyвает серебро магазинных тележек, покрывает ветхий фасад супермаркета, обволакивает тёмно-зелёные листья ежевики, заглатывает в себя полиэтиленовый пакет. Моя ярость переполняет меня, я состою из неё, отдаюсь ей, она везде, и это хорошо, потому что она будет в каждом моём движении.

В какой момент исчезает человек? Как меняется текстура лица и тела, когда теряется человеческое? И это моё отчаяние расплёскивает по земле чужие физиологические жидкости? Мои недостатки, мои зависимости, мой противник. Когда начинается распад и становится ли легче? Подо мной сдавшееся тело, тело обмякшее, похожее на пудинг, я чувствую себя победителем. Золотой всегда был моим любимым цветом: в нём есть какое-то тепло, разливающееся вокруг и внутри меня, солнечный свет, который размягчает полночную синеву. Бедняги те, кто пытается удержать меня, призывает остановиться, но как остановить того, кому нечего терять, кто и без того в полном дерьме? Мо оттаскивает меня назад. Друзья этого

парня возятся с его телом. Они кричат: что на тебя нашло? ты совсем рехнулась? Я слышу, как отвечаю, что мы же не развлекаться сюда пришли. Пошатываясь, иду по парковке, оглушённая ясностью мира. Всё кажется таким чётким. Я чувствую себя огромной, вылупившейся из самой себя. Вспоминаю Халка. Я — оголённый нерв. Совсем спятила, говорят они. Один из них звонит куда-то. Лицо у него белое. Боже, думаю я, мы все похожи на маленьких призраков. Огни мигалок зловеще мелькают между домами, всё ближе и ближе, парни о чём-то ругаются между собой, а я просто стою. Мои пальцы — кровавые разветвления на камнях. Я стою и надеюсь, что смогу поднять ладони, а сирены долбят по барабанным перепонкам. Деннис кричит, что нам нужно валить отсюда прямо сейчас. Я наклоняю голову к небу — именно наклоняю, ведь всё зависит от того, с какого ракурса смотреть, — и начинаю выть, как собака в ответ на мистический вой большого волка. Все смотрят на меня. Их страх материализуется в лиловый трепет. Ничто не страшит их сильнее, чем сумасшедшая женщина, — стоит подумать об этом на досуге. А сирены воют всё громче и громче, Деннис тянет меня за собой, а Винс орёт на меня, что я совсем сдурела, что я должна бежать с ними, что сейчас здесь будут копы. Моё сердце замирает.

— Ну и хрен с тобой, — плюёт Деннис и бросается наутёк.

Визг шин, ночная синева возвращается, я представляю лицо матери, когда она увидит меня на экране видеодомофона в окружении полиции. Я срываюсь с места, бегу непонятно куда, потому что вообще не ориентируюсь здесь, бегу с парковки, по посёлку, пробегаю по двору начальной школы, забор, ещё один забор, деревенские участки, ещё один забор и между двумя поленницами прижимаюсь к стене дома. Вдох через нос, выдох через рот, повторяю я сама себе. Кусты наставляюще грозят голыми ветками, как бы говоря, что не всё то золото, что блестит. Моё тело исходит паром, ноги горят, меня тошнит. Небо совершенно синее. Капля пота, стекающая из подмышки к талии, кажется мне серебристым следом улитки.

*хочешь слизать серебро с моей талии? — пишу я Мо.
чего?*

забей

ты где?

где-то

ты вообще чё устроила?

это же был наш план

ну уж нет

Я отправляю пожимающий плечами эмодзи. Это стиль жизни.

мы у мака

ок, — пишу я, — сейчас приду.

Ответа нет, только синие галочки, значит, сообщение прочитано. Я снова бегу, на этот раз лёгкой трусцой, как во время утренней пробежки для бодрого начала дня, чем я ни разу не занималась, поскольку вообще не понимаю, зачем их нужно начинать, дни. Мо стоит возле «Макдоналдса» и выпускает огромные клубы дыма от электронной сигареты. Клубничный вкус. Дым окутывает Мо, словно тот — магическое видение. Он держит «Макфлурри».

— Хочешь? — спрашивает он.

— Спасибо, — говорю я.

— Оно уже почти растаяло.

— Угу. А где все?

Конфетки «Смартис» хрустят на зубах, мне нравится, что они всегда оставляют красочные разводы, а в конце всё становится коричневым.

— Уже ушли. Собираются зависнуть у Денниса, накучиться и поиграть в приставку.

— Хм.

Он убирает электронную сигарету в карман и натягивает капюшон. Я бросаю стаканчик из-под мороженого в урну, а в рот закидываю жвачку. Со вкусом арбуза.

— Так что там насчёт серебра?

Я развожу руками и пожимаю плечами, в точности как эмодзи, и Мо улыбается мне с наглым сомнением, но всё равно, к сожалению, мило.

— Ты хочешь?

Он указывает головой на гаражи. Я снова пожимаю плечами. За гаражами заросли жгучей крапивы, я достаю до неё, опираясь о стенку, она жжётся, Мо сзади, теперь всё со вкусом арбуза, я думаю о парящем полиэтиленовом пакете, жвачка становится всё более пресной, все цвета смешиваются в коричневый, жизнь похожа на тающее мороженое с разноцветными драже, а потом Мо кончает, вытаскивает, презерватив остаётся во мне, и я присаживаюсь на корточки, достаю его пальцами и бросаю на землю.

— Чао, — говорит Мо.

— Чао.

ШАРЛИЗ

— Мы приехали, — говорит мама.

В её голосе радость предвкушения. Я выглядываю из окна машины. Снаружи сплошная зелень. Перед домом, выкрашенным в голубой, жёлтый и розовый, усыпанная гравием площадка. У забора стоит женщина в распахнутом розовом кимоно, под ним бирюзовый купальник с цветочным узором из восьмидесятых, она курит. На её лице поблёскивает зелёная маска. Ну и местечко. Совсем унылое. Это маленький городок Хайнде. И теперь я буду здесь жить. Солнце ни в чём не отражается, оно просто озаряет лучами поля. Здешнее лето такое же, как в Берлине. Только без Берлина.

— Тут же ничего нет, — говорит мой младший брат. Между нами лежит папин вещмешок с останками галериста, Нико кладёт на него голову. Папа сидит на пассажирском сиденье, вставляет в рот сигарету и закуривает, прикрыв глаза. Мама бросает на него короткий взгляд. Она его больше не понимает. После его срыва она стала

ещё равнодушнее ко всему, а под всем я имею в виду нас. Я давно уже не понимаю их обоих, но маму всё-таки больше, особенно с тех пор, как она решила, что хватит с неё Берлина. Ей захотелось вырваться куда-нибудь. Сменить обстановку. Двигаться и не застревать на месте. Сбежать. Уж не знаю, какой гороскоп или сонник её на это сподвиг, и понятия не имею, как можно сбежать от безумия, когда оно переезжает с тобой в одной машине.

— Мисси! — восклицает мама и радостно машет рукой. Она выходит из машины, сбрасывает сандалии и босиком идёт к женщине в кимоно.

— Серьёзно? Что за хрень? — недоумеваю я. Наклоняюсь вперёд к папе. Дую ему в щёку. Он моргает.

— Папа, — говорю я, — нам всем сейчас нужно дружить. И вразумить маму.

— Думаю, я устрою здесь выставку, — улыбается папа. — Что-нибудь скульптурное. Места тут много. А на вернисаже надую гигантскую таксу.

Я кладу голову рядом с головой Нико и закрываю глаза.

ГВЕН

Из коридора доносится рёв мотора, внутри себя я тону в вибрирующем красном, он разливается из солнечного сплетения по всему телу, пока полностью не накрывает меня и мои мысли. Есть в животе такое место, где одновременно тлеют спокойствие и ярость, и всё зависит от того, как ты относишься к вещам, а ещё от того, чем эти вещи являются. Порой помогает дыхание, но вообще-то не особо, а красный внедряется на молекулярном уровне. Я открываю дверь своей комнаты, хотя мне совсем не хочется — но чего же мне хочется? — и вижу Фрица у бидермайеровского шкафчика, на котором гвоздики в вазе показывают первые признаки увядания, за ними зеркало

в золотой раме дублирует происходящее. Фриц полустоит, полусидит на 125-й «Ямахе» и заглаживает назад свои светлые волосы, на его пухлых раскрасневшихся щеках ямочки.

— Они не верили, что я смогу заехать вверх по лестнице.

Этот его лепет, неустойчивая речь, неустойчивая поза. Где мои наушники с шумодавом? Они неудобные, но я купила их специально для таких случаев.

что хуже: изолироваться от внешних звуков и утонуть в звуке собственного сердцебиения или слушать окружающий мир?

— А можно потише? — прошу я и глубоко вздыхаю.

Фриц роняет мотоцикл на пол и царапает паркет, но ему можно, он друг моих родителей, они смиренно отполируют пол и ни слова ему не скажут.

— Ладно, ладно. Просто хотел доказать, что смогу, расслабься, буду тише воды, ниже травы.

Он прикладывает палец к мясистым губам, успокаивая меня, его перстень с печаткой подходит к твидовому пиджаку. Тошнотворное притворство.

— Они мне не верили.

Фриц качает головой, затем смеётся.

— Пойдём вниз, расскажешь им, что видела, будешь моей грид-гёрл.

Он встаёт передо мной, от него пахнет джином, красный уже плещет через край. Я хочу развернуться и уйти, тут открывается соседняя дверь. В зеркале появляется лицо Криса, он слегка в замешательстве и пытается понять, что происходит, смотрит на Фрица, на свой мотоцикл, лежащий на полу, снова на Фрица, его веки дрожат, замешательство переходит в ярость.

— Ну ты и сволочь, Фриц, — говорит он, и говорит так, словно вот-вот набросится на него, словно Фрицу ещё повезло, что на этот раз он отделался оскорблением. Мы так похожи, нас обоих объединяет ярость — как это мило.

— Да что такого? Мне просто нужно было кое-что доказать. — Фриц повернулся к Крису.

— Ты бы лучше заботился о своей разрушенной семье, а не устраивал тут долбаный террор моим вещам, — говорит Крис.

Фриц смущённо смотрит на него.

— Ну, это правда в последний раз.

Фриц слегка покачивается, сбоку его лицо выглядит ещё жирнее.

— Свали уже, — говорит Крис. Назревает что-то интересное, чувствуется, как он закипает, если и дальше так пойдёт, то Фриц полетит из окна, а завтра Алисия по-тихому всё уберёт, чтобы не болтали. Она уж точно не ожидала, что ей придётся не только драить бесконечные коридоры, но и заметать следы нашей семейной жизни.

тебе нравится как вещи бьются об землю?

Я закрываю дверь. Покачивающийся Фриц на миг всплывает перед глазами в виде проекции, я смаргиваю его прочь.

Я медленно курю и смотрю на город. В тёмное время суток, и если смотреть сверху, Хильдесхайм в свете огней выглядит потрясающе — умиротворённый и волшебный. Каменная балюстрада балкона ещё нагрета солнцем, я сижу на ней и болтаю ногами в темноте. За домом на ветру тихо шумит лес. С первого этажа из окна доносятся голоса взрослых, чередующиеся со шлягером, который они слушают. Блаженный мир для людей, глубоко убеждённых, что им нечего бояться, но всё же они полны страха. Сегодня вернулся отец, в честь этого праздник. Стучат в дверь, я затягиваюсь и выпускаю дым вокруг себя, будто защитное облако. Хоть бы это была не мать с очередной циничной проповедью о важности семьи и не Фриц, всё пытающийся привлечь меня в качестве свидетеля его достижения. Тушу сигарету. Иногда мне хочется немного небрежности: отбросить окурок щелчком куда придётся, и гори оно там огнём. В комнату вошёл Крис. Он бросился на кровать, а я осталась стоять посреди комнаты. Он выглядит неважно, взгляд рассеянный.

- Ненавижу их, — говорит он.
- Кого? — спрашиваю я.
- Всех.
- Да уж, — соглашаюсь я и ложусь рядом с ним, мы смотрим в потолок, и нам паршиво.
- Ты что-то принимал?
- Тебя это не касается.
- Ладно.
- Чуток экстази.
- Будешь сигарету?
- Ты куришь?
- Вообще-то нет.
- Я возьму одну, — говорит он, и я даю ему сигарету и себе тоже беру. Дым плавными завитками поднимается к лепнине на потолке.
- Смотри, что он мне подарил, — говорит Крис.
- Он вытягивает передо мной руку, на запястье часы, чересчур большие и слишком роскошные, всё как любит отец.
- Это за то, что он в Таиланде забыл про мой день рождения.
- Как он выглядит?
- Фигово.
- Я киваю, это было ожидаемо. Отец всегда возвращается измотанным и говорит, что всё из-за стресса и кучи работы. По мне, так всему виной алкоголь, проститутки и пристрастие к незащищённому сексу.
- Большую часть времени внутри меня всё синее, тёмно-тёмно-синее, как на морской глубине.
- я плыву сквозь себя очки для дайвинга остались в раздевалке это значит что я рыба-слепоглазка
- Я отрываю взгляд от телефона.
- Мне не нравится, — говорю я, имея в виду часы, машину и другие попытки отца очистить за деньги свою совесть, как будто часы и прочий хлам всё исправят.
- Мне тоже, — говорит Крис.
- Я знаю кое-кого, кто мог бы с ними что-то сделать, — говорю я.

— Наверное, я обменяю их на травку, — говорит Крис, встаёт и в дверях снова оборачивается.

— Что это за жизнь, Гвен? — спрашивает он, и мы смотрим друг на друга.

у меня нет ответов нет никого с глазами привыкшими к окружению в размытом мире ничего не разглядеть и ничего не понять

Я наклоняю голову и собираюсь сказать: что случилось? откуда такие вопросы? принимай себе спокойно свои наркотики, — но Крис уже отвернулся и закрыл за собой дверь.

ШАРЛИЗ

Порой я ловлю себя на мысли, что раньше всё было лучше. Бывает, что и часа не пробудешь где-то, как уже появляется это «раньше». Раньше — это когда я ещё жила в Берлине. Раньше — это когда могла доехать до Густава на велосипеде. Раньше — это граффити, аллея Космонавтов, дёнер за два пятьдесят. Раньше — это друзья, это завтраки на крыше фабрики мороженого, это кафе «Карл Маркс», магический магазинчик в Нойкёльне. Раньше — это тайком пробираться на фестивали под открытым небом. Раньше — это по выходным снимать на полароид выползших на свет рейверов.

— Ну что, дорогая, ты пойдёшь первая? — спрашивает меня Мисси. Она сняла кимоно и уже довольно долго стоит в одном купальнике, наблюдая за тем, как я смотрю на дом. Я пытаюсь справиться с шоком, она пытается отлынивать от помощи с сумками.

— Я не могу в это поверить, — говорю я.

Думая о деревенской коммуне хиппи, сразу представляешь себе размытые землистые тона, всё в батике, а тут бац — и обилие радужных цветов вот-вот выжжет мне

сетчатку. Будто выкрутили насыщенность на максимум. Повсюду вещицы из природных находок, фонарики, разного размера сундуки, миниатюры слонов, подставки для ароматических палочек, цветочные гирлянды, гонг, пуфы, кресла-мешки, гамаки, сабли, револьверы на стенах, бесконечные фотографии и стопки книг.

— Люблю яркие цвета, — говорит Мисси.

— Да, — говорю я, — тут хочешь не хочешь, а полюбишь.

— Большую часть вещей я сделала своими руками.

Я ведь тоже когда-то хотела стать художницей.

— Оу, — говорю я, подразумевая под этим «не стоит».

— Но это всё же не для меня. Рынок искусства жесток и беспощаден. Ты это видишь на примере Руфуса.

Я смотрю на неё, она делает глубокую затяжку. Сигарета едва успеваешь тлеть.

— Приходится идти на жертвы, в конце концов сам становишься ею. Знаешь, дорогая, собственная жизнь и есть величайшее искусство.

— Ага, в итоге приходится жертвовать и собой, — говорю я.

Мисси смеётся. Закашливается.

— Фред мне очень помог. — Она указывает на одну из фотографий. На снимке обнажённый молодой парень прислонился к дереву, у него длинные каштановые волосы, косяк зажат в уголке рта, а по рельефному торсу можно решить, что он дни напролёт проводит в спортзале.

— Это где? — спрашиваю я. — На Вудстоке?

Мисси снова смеётся.

— А ты не промах, детка. Гильда здесь палец о палец не ударила, — говорит она, — знаешь, она просто... как бы сказать... просто из другой сферы.

— Кто такая Гильда? — спрашиваю я.

— Жена Фреда, — отвечает Мисси. — Они поженились ради забавы. Хотя, возможно, хотели сэкономить на налогах. Так или иначе она тоже живёт здесь. Руфус и Нелли тебе не рассказывали?

Я мотаю головой.

Я и сама не задавала много вопросов. Вопросы, заданные моим родителям, редко приводят к ответам, чаще к глубоким расстройствам.

— Мы уезжаем отсюда, — объявила мама однажды вечером и, казалось, была очень воодушевлена этим решением.

— Ни за что, — сказала я.

Она положила на стол письмо о выселении и добавила: «Не обсуждается», и как всегда, когда ей что-то взбрело в голову, она твёрдо стояла на своём. Только вот эта идея с переездом была самой идиотской из всех, а это что-то да значит. Нико ничего не замечал, а папа вообще не контролировал ситуацию, поскольку после того акта обнажённого безумия долго сидел на психолептиках. Я была единственной, кто мог остановить катастрофу.

— Мне плевать, я не уеду из Берлина, — сказала я.

— Так будет лучше для всех нас, — сказала мама.

— Это просто безумие! — возразила я.

— Это наш шанс, — настаивала мама. — То окружение благотворнее для молодой девушки.

— Ты издеваешься?

Внезапно она включила заботливую мать. Всё детство я провела в большом городе, и это меня не убило. Будь я рэпером, я бы сказала, что улицы воспитали меня. Мой район и всё такое, как в треке Сидо. А теперь вместо моего района меня ждёт коммуна хиппи, курятник и прочее дерьмо.

— Зачем это всё? — спросила я.

— Знаешь, — сказала мама, — там хорошо, как на отдыхе. Вообще-то, я всегда хотела жить ближе к природе, где больше пространства для творчества.

— Нам всем нужна передышка, — добавила она.

— Всё равно так больше не может продолжаться.

— Что-то должно поменяться.

— Почему бы вам самим там не пожить, зачем тащить нас? — спросила я.

— Шарлиз, — ответила она, — я стараюсь изо всех сил.

— Я с рождения это слышу, видимо, этого недостаточного, — сказала я. — И где мы будем жить?

— У наших старых друзей. У них дом в деревне в Нижней Саксонии. Много зелени, простор, рядом река.

— Звучит ужасно, — сказала я. — Ты не можешь вот так просто вырвать нас с Нико из нашей привычной жизни. А я-то думала, это папа сошёл с ума, а не ты. Нельзя же так. Детям нужна хоть капелька стабильности, пусть ею будет город, в котором мы живём.

Но, как это обычно бывает, одними протестами решения власти не остановить. И вот мы здесь.

Мама выгружает вещи из машины. Папа позади неё халявит и не знает, куда себя деть. Нико возится в саду и рассматривает камни, потому что камни стали его хобби с тех пор, как он нашёл на блошином рынке справочник по древним метеоритам. Мисси всё ещё стоит рядом со мной и стряхивает пепел на жёлтый ковёр, я говорю ей: «Не пора ли тебе смывать эту дрянь с лица?!»

Посылаю Густаву эмодзи робота.

ГВЕН

Чаще всего мир синий. Цвета глубокого космоса. Моя кровать кажется мне огромной, можно лежать посередине, раскинуть руки и ноги и даже не достать до краёв и выточенных стоек.

передаю привет из океана одеял подушек испарений крошек одежды крови и таблеток от головной боли

А может, это просто я очень-очень маленькая. Иногда мне кажется и то и другое — огромная кровать, крошечный человек. Я заворачиваюсь в белые одеяла и сдуваю волос с простыни.

Чаще всего я сама синяя. Цвета глубокого космоса. Но это связано с окружающим миром, потому что от него не сбежать. Потому что он протекает сквозь нас, нет ни фильтров, ни шлюзов, лишь поток, кристаллизующийся

в цвета. Самое странное, что я синяя, но при этом могу передвигаться в синеве.

я инвертирована в саму себя оптическая иллюзия только без двойственного изображения 3D-фильм без очков у меня начинает кружиться голова когда я слишком долго смотрю на себя

Как это вообще должно происходить — я встаю с утра в школу, разговариваю с людьми, еду на автобусе и ем свой ланч, смеюсь над мемами, ничего не понимаю на уроке латинского, потому что за четыре года так и не выучила ни слова, но всё понимаю на математике, потому что цифры привлекательно надёжны, слушаю сплетни, время от времени киваю, время от времени на вопрос «ты вообще слушала?» отвечаю «а как же!» и «может, возьмём ещё кофе?», брожу по школьному двору, еду домой, и всё это — как?

Подремав четыре раза, я сгибаюсь, собираюсь и выкапываюсь из постели. Я соскальзываю вниз, руками вперёд, пальцами ног зацепившись за паз в каркасе кровати, лежу на полу до следующего чересчур бодрого писка будильника. «Мгм», — произношу я ему в ответ, сама не зная, что хочу этим сказать, выключаю будильник и начинаю листать инстаграм, даже не понимаю, что я смотрю и что лайкаю. Я едва могу открыть глаза. Где-то внутри меня есть мусоросборная планета, на которой скапливаются все необработанные данные, и однажды моё сознание попадёт туда через кротовую нору, и, чёрт возьми, придётся со всем этим разбираться. Я бросаю телефон на кровать, встаю и, пошатываясь, иду в ванную. Стараюсь избегать своего отражения, что не так-то просто, когда стена за умывальником полностью зеркальная, но, как сказал бы мой учитель латинского, повторение — мать учения. Плевков зубной пастой похож на взрыв звезды, что бы это значило?

Ничего.

Я выключаю кран и даю воде стечь. Каждое утро я перешагиваю скрипучие четвёртую и седьмую ступеньки,

чтобы меня не услышали с кухни, не втянули в разговор и совместный завтрак. А мне даже «доброе утро» не хочется слышать. Каждое утро пустая кухня посмеивается над моей паранойей, на что я мысленно посылаю ей печенье с предсказаниями типа «осторожность — мать сундука с фарфором», «лучше перестраховаться, чем потом сожалеть», «от малого опасенья великое спасенье», «берегись бед, пока их нет» и так далее. Ничего личного, кухня действительно права, но я ей об этом не скажу. Чаще всего мне жаль этот дом, он ведь ни в чём не виноват. Все дома на этой улице не виноваты. Стоят себе на краю леса старенькие и красивые, выделяется только наш — новый, стеклянный куб с искусственным водопадом, стекающим по одной из граней, с каменным палисадником и бронзовыми скульптурами на склоне, но все остальные дома старые, часть в стиле фахверк, часть в стиле эпохи грюндерства и два дома из пятидесятых, но «существенно реконструированные», как замечает мама каждый раз то ли с одобрением, то ли с пренебрежением. Все дома с видом на город. Ни один из них не выбирал себе хозяина. Я прохожу по улице, приветствую каждый дом мимолётным взглядом, у мемориала погибшим воинам ненадолго взбираюсь на выпирающий булыжник и киваю городу. Город не кивает в ответ. Такой у нас с ним утренний ритуал. Я иду вдоль по улице, где друзья моих родителей только просыпаются с похмелья, а затем рассказывают историю о Фрице и мотоцикле своим детям, коллегам или ещё кому-то, кого можно удивить подобным представлением. Я иду до тех пор, пока улица не перетекает в другую, частные дома не превращаются в многоквартирные, а люди — в тех, кого никогда не пригласят в дом моих родителей. Я вставляю наушники в уши и делаю звук погромче. На эстакаде во мне просыпается жажда путешествий, не знаю, в чём тут дело, но железнодорожные пути внизу будоражат меня.

Здесь мне всегда хочется быть где-нибудь ещё.

Либо не быть вообще.